

Началось с того, что Лариса взялась осваивать этот самый «вацап», который оказался потом в а т с а п о м. И то ей посмотри, и другое. Как на родной Кубани говорят: оно мне надо?!

Но тут был случай особый.

Сводная ее сестра-одногодка Люба похоронила свою любимую собачку. Которую привезла из Владивостока, когда после ухода своего мужа-капитана в самое дальнее плавание вернулась в Майкоп.

Эх, капитан, капитан!..

Наша Люба работала в отделе кадров пароходства, ну и выбрала в мужья, конечно же, не кого-либо... Герой социалистического труда. Можно справиться: Анатолий Барановский.

Крошечная собачка была родом из какой-то экзотической страны, где ее подарили русскому капитану, жила необычно долго, и надо ли говорить, как наша Люба тосковала теперь не только по ней – по всему, с кем и с чем ее прошлая жизнь была связана.

Вот тут-то и пришел по этому самому «вацапу» снимок возможной утешительницы нашей Любы.

– Это Женя ей предлагает взять, – стала мне объяснять Лариса. – В доме престарелых, где она теперь парикмахером, их, говорит, целая стая. Собак. Больших и маленьких. И повара от столовой не гонят, и сердобольные бабушки подкармливают – ужас, говорит, сколько! Но эта, говорит, самая умная. Недаром у нее кличка там «Депутатка»... ну, ты же любишь собак, ну посмотри!

Хорошая, в самом деле, мордашка, недаром ее Женя, дочь Любы, присмотрела. Такие глазенки умненькие!.. Печальные и без хитрости.

Потом по этому самому «ватсапу» стали приходиться снимки вновь обретенного Любой душевного равновесия...

То купает Депутатку, а после на своих коленях расчесывает. То в прихожей приучает ее к пышной подстилке и кормит, а то уже учит чему-то под пологом виноградника в своем дворике – райский уголок, а не дворик, эх!..

Не зря ведь в Майкопе даже детишки, и адыги с русскими, и все остальные, сызмала знают эту красивую и поучительную легенду.

Как Аллах раздавал своим подопечным землю, и черкес был бы первым, так он спешил, но по дороге ему встретился очень пожилой человек, с трудом тащивший тяжелую вязанку хвороста.

Молодой черкес не мог пройти мимо, помог уважаемому старшему донести ношу до его дома.

Он, конечно же, сильно опоздал, все уже было роздано. И Аллах вздохнул и сказал: есть уголок земли, который я оставлял для себя. Но ты так растрогал меня благородным своим поступком – бери его. Владей!..

Так и хочется издали прошептать: о, благословенная Черкесия!.. О, солнечная, многострадальная Адыгея!.. О, любимый Майкоп!..

Как понимаю, зажили они, наша грустная Люба и счастливая Депутатка, душа в душу... или у собак ее все-таки нет? Души.

Но ведь смотрит на Любу так преданно и так ласково – ну, будто все-таки она у них есть. Душа.

И вдруг из Майкопа начали приходить на «вацап» снимки иного рода.

То у своей калитки Люба явно упрекает Депутатку в неблагодарности и пытается вместе с бантиком у нее на шее оборотить к себе остренькую собачью мордашку... То, рассерженная, пальцем указывает уже на раскрытую калитку: вон отсюда!..

«Начала вдруг выть так, что Люба целыми днями гладила ее, а потом уже стала отталкивать от себя: чего тебе еще тут не хватает, Депутатка?! – рассказывала мне жена после своего разговора по мобильнику с майкопской сестричкой. – А она все воеет и на улицу просится... Ну, Люба не выдержала: ты, говорит, вовсе не собака, а самая настоящая неблагодарная свинья! Открыла ей калитку – только Депутатку и видели!»

Потом за чаем Лариса стала рассказывать, что чистенькая, с бантиком, собачка вернулась в Дом

престарелых и чуть не каждую грязную псину там облизала... Что с Женей она явно заигрывает и при всякой встрече за свинское свое поведение как будто винится.

А потом, потом...

Вот за такой снимок я был бы «вацапу» безмерно благодарен!

«Какой-то непонятный шум, Люба говорит. Под ее забором на улице, – стала рассказывать жена. – То какая-то собака громко залает, а то жалобно затывкает... Ну, пошла Люба глянуть. Калитку открыла, а там!.. Это, говорит, невозможно представить. Свора собак, каких только нет, а впереди сидит Депутатка с любиним бантиком.

Заглядывает в глаза и метет хвостиком... А за ней!.. То какая-то старая псина с оторванным ухом, грязная-прегрязная. То громадная собака на трех лапах, вся дрожит и как будто нарочно култышку приподняла, к Любе тянет. И еще с десяток, большие и маленькие. А под ногами у них у всех путается почти взрослый щенок с бельмами на глазах. Люба, когда всех разглядела, как они его довели? – говорит. Как не бросили?! Представляешь?! А Депутатка на брюхо упала, поползла к ней, а как Люба невольно, говорит, улыбнулась – нырь во двор! И вся свора за ней в калитку! Любу чуть с ног не сбили.. Села, говорит на скамейку у ворот, уронила руку с ключом и не то что заплакала, говорит, – зарыдала... А они в кучку сбились, как очередь у них – руку лизнуть. Женя ей перед этим уже рассказывала. Теперь-то, мол, разглядела, почему их ни русские охранники не трогают, ни адыгейки-поварихи не гонят – жалко!.. Тоже собралась одна инвалидная команда... А Депутатка поняла, что в рай попала и за всеми ними вернулась...»

Дорого бы я отдал за этот снимок!

Но наша Люба тогда сидела и безутешно плакала...